

ГЛАВА 1

+ .
C Каждый человек на свете хоть раз в жизни слышал тишину. Странно, да? Как можно слышать тишину? Ведь ее нет. Тишина означает, что все звуки стихли и настало абсолютное безмолвие. Но это не так. Мы можем слышать тишину, потому что она не так проста, как кажется. Она состоит из звуков, которые поглощает, а под ее покровом прячутся удивительные создания, сотканые из нитей слов, воздуха и магии. Их зовут айны. Духи тишины.

— А откуда они взялись? — звонкий детский голосок разрушил чарующую атмосферу, созданную хрипловатым голосом няни, треском смолы на поленьях в камине и мягким шепотом ветра, шуршащим прошлогодней листвой за окном.

— Они появились давно, вместе с людьми. И были созданы для того, чтобы поддерживать баланс добра и зла

во всем мире, насыщать звуки светом в противовес тьме, — нити рассказа снова начали сплетаться в кружевное полотно. — Вначале, когда людей было мало, им это удавалось. Все жили счастливо, в согласии и любви, наслаждаясь тишиной, наполненной радостью. Но чем больше становилось людей, тем тяжелее приходилось айнам. Их жизнь начала меняться.

— Почему?

— Потому что звуки не исчезают в никуда. Их вбирает тишина, необходимая айнам для получения энергии. Но она бывает разной. Сейчас объясню, — заторопилась Маргрит, глядя на недоуменные глаза подопечной, которые стали похожи на небольшие блюдца. — Вот что ты любишь больше всего?

— Твое варенье, — мгновенно ответила та.

Няня рассмеялась.

— Это понятно! Ты у нас та еще сладкоежка. Но я не про лакомства. Когда тебе радостно?

Девочка задумалась:

— Ну... Когда я получаю подарки. Когда ты рассказываешь сказки. Когда на макушках гор растут шапки снега и превращают их в великанов.

— В такие моменты ты счастлива?

— Да!

— И айны счастливы. Они радуются вместе с тобой. Их магия, впитавшая твой смех, восторженные крики, искреннее счастье, становится такой же, теплой и ласковой. Она наполняет тишину вокруг тебя. Ты ее чувствуешь весь день, даже когда ложишься спать.

Девочка тут же вспомнила то ощущение восторга, которое обволакивало ее до тех пор, пока она не засыпала. Она действительно была счастлива.

— А чего ты боишься? — няня прервала ее воспоминания.

— Темноты, — здесь девочка не раздумывала.

Темноты она и правда боялась больше всего. И одиночества. Но про него не стала говорить, чтобы не упрекать няню, которая из-за непонятного страха никуда не выпускала ее.

— Темноты... — задумчиво повторила няня. — А ведь темнота не так уж и страшна. Это твоё воображение делает её такой. Но ты всё равно пугаешься и даже не замечаешь, как меняется тишина вокруг тебя. Она вбирает твой плач, страх, воображаемых чудовищ, становится плотной, колючей настолько, что кожа покрывается мелкими мурашками. Из-за этого ты боишься ещё больше. Айны боятся вместе с тобой и от этого страдают. Их любимая тишина теперь горькая и неприятная. И как бы они ни старались всё исправить, насытить звуки вокруг тебя счастьем, ничего не выходит. Твой страх сильнее. Даже в простом скрипе половиц ты слышишь нечто ужасное, а уж безвинный шелест травы за окном и вовсе кажется кошмарным.

Девочка поежилась. Даже сейчас, при свете очага, да и в компании с няней, она вдруг почувствовала те самые колючие мурашки страха. Невольно проведя ладонями по коже, пытаясь их согнать, она вся превратилась в слух.

— Но и эту тишину можно вынести, — продолжала Маргрит. — Это всего лишь страх. Он быстро проходит. Гораздо хуже боль и страдания. Чем сильнее горе, тем тяжелее тишина. Она давит, душит, царапает когтями страдающее сердце... — Тяжело вздохнув, няня посмотрела на перепуганную подопечную и быстро закончила: — А когда человек испытывает непереносимую боль потери — тишина становится оглушительной. И айны умирают...

— Айны умирают, — прошептала Крис, ворочаясь во сне, и всхлипнула. — Как же больно.

Последнее слово сорвалось с губ клубами морозного пара и зависло в воздухе, рассыпавшись изморозью. Но осколки льда были не ослепительно белыми, а беспросветно черными, без искорок и блеска.

— Больно, — вновь пробормотала Крис.

Ледяные кристаллы вздрогнули, заматались, пытаются сплестись в замысловатые узоры, но ничего не вышло. Едва им удавалось приблизиться друг к другу, как они отскакивали в разные стороны, словно перевернутые магниты. Крис обхватила себя руками, поджав ноги к животу.

— Нет-нет! Айны не должны умирать! — Поднявшееся новое облако пара засеребрилось и быстро окутало насторожившиеся кристаллы.

Они даже предприняли попытку избавиться от него, закружились, затанцевали, угрожающе выставив зазубренные бока. Но облако накрыло их, словно тяжелое одеяло. Несмотря на кажущуюся легкость и прозрачность, оно было плотным и густым. Вобрав в себя все осколки льда, облако, тяжело переваливаясь, словно откормленная утка, выбралось наружу. Там улетело в весеннее небо, подхваченное холодным ветром.

+ .

С каждым годом люди становились все более жестокими. Среди них процветали зависть, злоба, жажда присвоить то, что принадлежит другому. Они не останавливались ни перед чем. Ради получения добычи легко отнимали жизни у тех, кто не мог им дать отпор. Из-за непосильного горя, накрывавшего целые семьи,

пережившие утрату айны умирали друг за другом. Людские и собственные страдания подкосили и ослабили их. И магия тоже стала слабой. Добра оставалось все меньше, как радостных слов и звуков счастья. Зато зло начало разрастаться. Неземная красота айн угасла. А ведь нет никого прекраснее их...

Голос няни доносился из тишины, о которой она так любила рассказывать. Он рисовал картины, обволакивал, убаюкивал, успокаивал.

Крис плотнее закрыла глаза, не желая просыпаться. И сразу же увидела их, грациозных духов тишины.

Крис с любопытством уставилась на айн. Взгляд подмечал мельчайшие подробности, так любовно и красочно рассказанные Маргрит.

В ее воображении они предстали легкими, словно перья, стремительными, как свежий ветер, полупрозрачными, как морская вода, одновременно похожими и непохожими на людей. Высокие, тонкие, с громадными глазами цвета лазури, обрамленными темно-синими ресницами, с нежной кожей, сияющей в лучах солнца. Если присмотреться, то становилось понятно, что светится не кожа, а крохотные буквы. Много букв. Разных. Простых печатных без всяких затей и, наоборот, вычурных прописных, украшенных завитками. Встречались среди них и настоящие произведения искусства. Неповторимые, изогнутой формы, что и не сразу понять, какая именно это буква, оплетенные лианами, узанными молодой листвой и крохотными цветами, из сердцевин которых поблескивал драгоценный камень. Эти буквы покрывали тело айн с головы до ног, не прерываясь ни на сантиметр. Они украшали изящные руки с длинными

чуткими пальцами, плотно обхватывали щиколотки, образуя ажурные браслеты, выписывали вензеля на хрупких ключицах, обрисовывая их контур. Особенно красив узор на лицах. Изогнутые строчки огибали глаза, подчеркивали линии лица, длину ресниц, полноту губ и уходили в глубину густых длинных волос, сливаясь с ними в единое целое.

Маргрит объяснила, что это не простые буквы. Если знать, где начало, то можно прочесть историю жизни. Когда история заканчивалась, после последней буквы появлялась точка и айны уходили в тишину, навсегда унося с собой завершённую летопись.

— Ну какие айны! — Крис раздраженно вскочила, потирая кулаками слипающиеся глаза. — Детские сказочки.

Потянувшись, она энергично трянула головой, пытаясь прогнать остатки одного и того же сна, преследующего ее последний год. Каждую ночь эта картинка упрямо появлялась в сознании. Старая няня, жаркий огонь из камина, скрип кресла-качалки и бесконечные сказки про айн — духов, живущих под покровом тишины. Крис казалось, что все это было сто лет назад, и напоминания о безмятежном детстве злили ее. Она даже пыталась работать до полной потери сил, чтобы провалиться в глубокий сон — без сновидений. Но голос няни пробирался сквозь усталость и все равно звучал до утра.

— Надоело! — Крис начала собирать коробки, которые заменяли ей подстилку для сна.

Заодно прикрывали от пронизывающего ветра, который, несмотря на апрель, все еще был колючим и обжигающе холодным. Сложив кипу картона, она прикрыла ее прошлогодней соломой. Затем отодвинула ветви раскидистого куста

и, нырнув в яму, выкопанную в основании крепких корней, выбралась наружу из-под старых свай, когда-то служивших опорой для будки портового смотрителя. Снаружи прикрыла лаз большим камнем, накидав на него сухих веток и присыпав песком. Отойдя на несколько шагов, оглянулась, чтобы посмотреть, хорошо ли замаскировано убежище, и удовлетворенно хмыкнула. Действуя аккуратно, она не потревожила ни единой ветки, оставив все в первоначальном виде. И старалась она не просто так. Ведь лучше-го укрытия не сыскать.

Когда-то здесь была пристань. Осмотрев скалы, широкую прибрежную полосу и тихий залив, люди решили, что место идеально для швартовки кораблей. Работа закипела, и вскоре пристань была готова. Но Ледяное море обозлилось на непрошенных гостей, и спокойный залив превратился в бухту смерти. За несколько лет от огромной пристани и пришвартованных кораблей не осталось ни единой щепки. Люди были вынуждены покинуть участок в поисках лучшего места, и портовый смотритель уехал вместе с ними. Разобрав будку, он оставил сваи, намертво вросшие в цементный раствор, песок и камни. Как только люди ушли, море тут же успокоилось и перестало с ревом выбрасываться на берег. Со временем природа захватила пространство между сваями. Колючий шиповник оплел обветренные, покрытые солью бревна, а горькая полынь и высоченная крапива довершили начатое. Ощетинившись острыми иглами и жгучими листьями, природа приготовилась защищать завоеванное, решив не уступать ни пяди земли настырному человеку. Чем и воспользовалась худенькая Крис. Сделав небольшой подкоп под переплетенными корнями кустарников, она ужом проскользнула внутрь и увидела замечательное укрытие, созданное руками человека и природой. Лианы оплели все

вокруг между сваями, образовав что-то вроде кокона посередине, где теперь и жила Крис. С каждым годом лиан становилось больше. Новые побеги оплетали старые, и природные стены «толстели» на глазах.

Крис тщательно маскировала дом от таких же бродяжек, как и она сама. Ведь таковых в их когда-то процветающей стране Вольденгории с каждым днем становилось все больше. Родителям не хватало денег, чтобы расплатиться с королевскими налогами. Они попадали в долговую тюрьму, откуда нет выхода. Осужденный приговаривался к пожизненным работам на короля, остатки его имущества изымались в пользу казны, а дети... Если успевали сбежать, то бродяжничали, если нет, то попадали в приют или на рудники, где так же, как и родители, работали за кусок хлеба и крышу над головой.

Все проверив, Крис подошла к берегу Ледяного моря, сдерживая желание потрясти головой. Отголоски сказки няни еще пытались звучать в мыслях, но запах соли и свободы тут же взбудрил и выгнал остатки надоедливости сна. Голос Маргрит становился все тише, пока не сдался под порывами морского ветра.

Сделав несколько упражнений, чтобы согреться, Крис вытащила из кармана яблоко и, вытерев замусоленным рукавом, с наслаждением откусила. Чувствуя, как сок потек по подбородку, она зажмурилась от удовольствия. Тщательно прожевав, она съела половину, а вторую завернула в бумагу и бережно положила в потрепанную сумку из мешковины. Кто знает, может, это вся еда на целый день.

Подтянув штаны, Крис огорченно вздохнула.

— Опять похудела. — Концы пеньковой веревки, служащей поясом, уже можно еще раз обернуть вокруг тонкой талии. — Так и никаких сил не останется.

Достав остатки яблока, она решительно съела его вместе с косточками и, отбросив в сторону хвостик, начала собираться. Скоро рассвет, а это значит, к новой пристани, выстроенной с подветренной стороны, придут первые рыбацкие суда с утренним уловом. Нужно торопиться, чтобы успеть наняться на разгрузку и заработать десяток медных вольденов.

Взглянув на отражение в осколке зеркала, Крис выругалась сквозь зубы:

— Ну что за напасть? Быть такого не может. Я же неделю назад стригла.

Но зеркало упрямо показывало отросшие медно-каштановые волосы, уже начавшие заворачиваться в крохотные локоны.

— Еще не хватало опоздать. Потом ходи весь день голодной, — копаясь в сумке, заворчала она.

Мало ей проблем с грудью... Несколько месяцев назад она начала расти, и Крис каждое утро обматывалась тканью. Так еще и волосы... Растут словно на дрожжах. Достав ржавые ножницы, Крис пристроила зеркало на большой камень и начала ожесточенно резать непокорные кудри. Ножницы были тупые, резать не хотели, приходилось больно тянуть себя за волосы, из-за чего Крис ругалась еще громче. Ветер подхватывал злые слова и состриженные пряди, чтобы развеять их далеко над просторами огромного Ледяного моря, неторопливо толкающего изумрудные воды.

— Вот уж у кого ни забот ни хлопот, — ругнулась Крис, поглядывая на безмятежное море.

Поеживаясь от холода, она попыталась разглядеть макушку, которая после варварской стрижки стала похожа на замшелый темно-коричневый пенек, покрытый

проплетинами. На секунду в уголке глаза блеснула слеза огорчения. Но не время для девчачьих соплей.

Шмыгнув носом и натянув на голову кепку, Крис ментально превратилась в одного из тощих мальчуганов, с утра до ночи болтающихся на пристани и хватающихся за любую работу. Собрав нехитрые пожитки, девочка побежала к разбитой дороге, ведущей в город. По ней уже тянулись бесконечные обозы селян, едущих на плавучий прибрежный рынок. Он по широкой дуге огибал утес, гигантскую каменную глыбу с крутыми склонами и острыми выступами, на котором и пристроилась столица островной страны Вольденгории — знаменитый Ходвиль, или верхний город, как его называли в народе.

Место для столицы выбрано неслучайно. С северной стороны ее защищало Ледяное море, славящееся скверным характером, с южной — множество скал разной высоты. Словно оскалившись, они сверкали острыми пиками, не скрывая величия.

Между горами, в широких долинах расположились многочисленные деревушки, чьи жители, так же как и Крис, спешили. Ведь чтобы продать прошлогодние остатки урожая, нужно успеть занять места повыгодней, а таковых мало. Нижний город, состоящий из огромной пристани и прибрежного рынка, частично выстроен на понтонах, которые были ненадежными.

Несмотря на то что эта часть острова была защищена от ветра, Ледяное море и здесь пыталось избавиться от скользящих пут, чтобы с ревом выплеснуться на берег, и поэтому пристань вместе с рынком часто ходила ходуном. Никто не хотел стоять у края. Бывали случаи, когда торговец уходил под воду со всем нехитрым товаром, а море почти никогда не отпускало жертв на берег.

Поравнявшись с одной из повозок, управляемой старым дедом, нацепившим огромную шляпу, которая сделала его похожим на гриб, Крис нарочито грубым басом спросила:

— Не подвезете?

— А чего бы и не подвезти! — отозвалась «шляпа». — Садись, малец! — И, качнув полами, сделала приглашающий жест.

Крис не стала мешкать и, уцепившись рукой за борт повозки, быстро запрыгнула внутрь.

Растянувшись на мягком сене, она сдвинула кепку на затылок и подставила лицо робким весенним лучам солнца. Оно изо всех сил пыталось пробить серую мглу, постоянно висевшую над городом. Из-за ветров и своенравных течений Ледяного моря и погода в их стране была такая же — строптивая и непредсказуемая. С утра мог лить заунывный дождь, вгоняя жителей в тоску. Они высоко поднимали воротники, чтобы втянуть шеи в надежде сохранить хоть каплю тепла, которую тут же отнимал колючий ветер. Но после обеда обозлившееся солнце могло прогнать тучу и залить все вокруг такими яркими лучами, что от взмокшей одежды валил пар, словно человек вышел из бани. Но солнца все же было мало, как и радости на лицах жителей.

С тех пор как на престол взшел Хэйвард, младший брат погибшего от рук чужаков Альвисса, Вольденгория нищала на глазах. Если в столице дела еще худо-бедно да шли, то в провинции царила настоящая нищета. Именно поэтому с раннего утра со всех уголков Вольденгории в Ходвиль тянулись люди в надежде заработать хоть что-нибудь. По этой же причине туда направлялась и Крис.

Как только повозка миновала первые городские ворота, ведущие к понтонам, Крис спрыгнула на землю. Крикнув

«Спасибо!» старику, она со всех ног припустила к пристани. Оттуда уже доносились зычные команды моряков, руководивших разгрузкой. Чумазые мальчишки, обгоняя друг друга, таскали корзины с рыбой.

«Опоздала, — мелькнуло в голове. — А всё эти проклятые волосы».

И вот под ногами заскрипели дощатые полы, настеленные прямо на понтоны. Перепрыгивая через гнилые доски, Крис неслась к концу пирса. Еще с мостовой она заметила, как там пытается пришвартоваться ветхое суденышко, с невероятными усилиями перелезая через высокие волны. Она решила сразу бежать к нему, чтобы успеть первой предложить услуги. Сзади послышался топот ног. Оглянувшись, она увидела, как ее догоняет крупный мальчишка лет пятнадцати. Выругавшись, Крис побежала еще быстрее. Ветер так и свистел в ушах, выбивая из глаз крупные слезы. В боку немедленно закололо. Превозмогая боль, она продолжала бежать.

— Это мое! — закричала девочка, хватая ртом воздух.

Уцепившись за ручку корзины, которую сгрузил на пристань молодой юнга, она приготовилась поднять ее. Но куда там. Полная до краев отсвечивающей серебристой чешуей рыбы она была тяжелой. Прикидывая, как бы ухватиться половчее, Крис на секунду выпустила ручку из рук.

И в этот момент корзина взлетела в воздух. Мальчишка, даже не покраснев от натуги, легко закинул ее на плечо и понес к телеге, ожидавшей на мостовой.

— Отпусти! Я первая... я первый ее взял. — От неожиданности и обиды Крис забыла о маскарade и, держась за бок, поковыляла за ним.

— Отдыхай, мелюзга! — презрительно бросил мальчишка, насупив широкие брови.

Высыпав корзину в ларь, заполненный льдом, он вразвалочку пошел обратно, чтобы отдать ее юнге, насмешливо наблюдающему за ними.

Крис перегородила дорогу обидчику, внутренне приготовившись к драке.

— Так нечестно! — Как она ни старалась, в голосе все равно послышались слезы. — Я же первый прибежал.

— Какая разница! — Мальчишка отодвинул Крис в сторону, умудрившись при этом не выпустить из рук корзину. — Первый — не первый. В твоём цыплячем теле все равно нет столько сил.

Сплюнув на пристань, он скривился. Нахмурил лоб и выжидающе уставился на Крис, которая вновь преградила дорогу. Темные, глубоко посаженные глаза так и пронзали насквозь, широкие брови съехали к переносице, словно показывая, насколько серьезен их обладатель. Прошла минута, другая, и Крис протяжно вздохнула, глотая злые слезы. Большие кулаки мальчишки, хмурое лицо со строго поджатými губами да внушительная спина, обтянутая стеганной курткой, которая трещала по швам от бугрившихся мышц, не давали ни малейшего шанса одержать верх, и девочка отступила.

Отойдя в сторону, она окинула тоскливым взглядом пристань. Возле каждой пришвартованной лодки по дощатым сходням туда-сюда сновали мальчишки, торопясь заработать медяки.

Мысленно посчитав лодки, Крис тяжело вздохнула. Их снова меньше, и уже на целых три по сравнению со вчерашним днем. Ледяное море, исправно кормившее жителей в годы правления Альвисса, теперь медленно беднело вместе со страной. Крис загрустила, вспомнив о временах,

когда на пристани было людно и шумно. Тяжело груженные рыбацкие баркасы кое-как находили место для швартовки, потому что вдоль берега стояло множество торговых кораблей. Но сейчас здесь царила тишина, прерываемая лишь усталыми голосами рыбаков да торговков, зазывающих покупателей. Большие суда забыли дорогу к Ходвилю. Крис даже не могла вспомнить, когда в последний раз видела настоящий торговый корабль. Теперь местным жителям нечего предложить торговцам — рыбы, мяса и шерсти, которыми раньше славилась их страна, стало так мало, что не хватало самим. Из-за плохих уловов местные рыбаки бросали лодки, пристань пустела и ветшала с каждым днем.

В этом году стало так тяжело, что Крис не знала, где будет брать деньги на еду. Воровать, как это делали бойкие мальчишки, слоняющиеся по прибрежному и городскому рынкам, она так и не научилась. Лишь один раз, когда невыносимый голод толкнул на кражу, она отважилась пойти в верхний город, где утянула булочку у молочницы. И то, потому что узнала от мальчишек, что та торговка на одну половину слепая, на вторую глухая, у нее смог бы украсть и младенец. Булочку Крис проглотила в мгновение ока, не успев почувствовать ее вкус, а вот совесть мучила еще несколько недель.

При мыслях о еде желудок заурчал. Крис подошла к большому чану с пресной водой. Бросив последний медный вольден мальчишке-водоносу, с жадностью выпила две полные кружки воды, не обращая внимания на то, что зубы немедленно заныли от льдинок, позвякивающих о железные борта. Наполнив желудок ледяной водой, из-за чего тот удивленно замолчал, Крис побрела в начало пристани. А вдруг где-нибудь заваялась хоть мелкая рыбешка,

случайно выпавшая из корзины. Ее можно будет поджарить и съесть. Или запечь в углях. Желудок вновь взбунтовался, словно и не было никакой воды, а про утреннее яблоко он уже давно и думать позабыл. Чувствуя, как к горлу снова подступают непрощенные слезы, Крис шмыгнула, утерла нос грязным рукавом и, поминутно оглядываясь, проверяя, не видит ли кто, осторожно пробралась на борт одного из баркасов. Трясясь от страха быть пойманной, она спустилась в трюм и начала обшаривать пол в поисках забытой рыбы. Внутри уже не урчало, а болезненно сжималось, заставляя Крис ежесекундно хвататься рукой за живот.

— Эй!

От неожиданности Крис шарахнулась в сторону, больно отбив мизинец на ноге.

— Эй! Я видела тебя!

Осторожно выглянув через грязный иллюминатор, Крис увидела дородную торговку, одетую в гигантскую юбку и такую же огромную блузу, приобретающую после многочисленных стирок неприятный сероватый оттенок. Выставив вперед ногу, обутую в высокий резиновый сапог, и уперев руки в бока, она стояла как раз напротив баркаса, где пряталась Крис. Опасливо ткнув ногой в узкие сходни, соединяющие баркас и пристань, торговка все же не решилась последовать за бродяжкой. «Еще не хватало упасть в море», — опасливо подумала она и от бессильной злобы заорала еще громче:

— А ну-ка вылазь! Зараза такая! Я тебе покажу как воровать!

Заорала так громко, что сама чуть не оглохла. Отощавшие за долгую зиму чайки, ругаясь на все лады, испуганно поднялись в воздух. Они не выносили шум, источником которого был кто-то другой, кроме них. Они словно кричали:

«Кто дал право этой грязной женщине так вести себя на нашей пристани, где мы уже много лет полноправные хозяева?»

Чайки начали возмущенно кружить над торговкой, требуя, чтобы та немедленно замолчала. Торговка, не обратив на них ни малейшего внимания, склонилась и стала внимательно разглядывать грязные следы, еще не успевшие высохнуть на утреннем солнце.

Крис мысленно обругала себя. Это надо же так оплошать.

— Вот противная старуха! Чего ко мне прицепилась? — сквозь зубы проворчала Крис.

Надеясь на то, что торговке надоест орать и она уйдет к прилавку, девочка забилась в угол трюма и легла на пол, свернувшись калачиком. Прижимая щеку к теплomu полу, она с наслаждением втянула ноздрями пряный сладковатый запах рыбы. Светлые доски навсегда впитали ее запах, и никакое мытье, скобление острым ножом не могло изгнать его. В этом трюме рыбу перевозили тоннами. Если рыбалка затягивалась, здесь же ее солили, чтобы не привезти на берег вместо улова на продажу тухлую рыбу, что и на корм животным не сгодится.

Для кого-то этот запах неприятен. Деловые кухарки с господских домов верхнего города, с утра заполняющие пристань, чтобы купить свежую рыбу к обеду, брезгливо морщили нос и кривились, прикрывая лицо ажурным белоснежным платком. Они неодобрительно смотрели на торговков, в чью кожу рыбный запах вьелся так же сильно, как и во все вокруг на этой унылой рыбацкой пристани, и качали головой, переговариваясь: «Безобразие... Как же можно так запустить себя...» Торговки фыркали, сноровисто доставали рыбу из ларей, заполненных льдом, и весело шлепали

ее на весы. Ледяная крошка брызгала во все стороны, и кухарки, поджав губы, отпрыгивали в сторону, ругаясь так, что уже ничем не отличались от торговок.

Для них этот запах, может, и отталкивающий, а вот для голодной Крис нет ничего слаще. Вдыхая солоноватый запах, она мучилась от боли в желудке. Голод заглушил все. Даже мысли о назойливой торговке, продолжающей упорно стоять возле мостка, куда-то пропали. Упершись носом в доски, она представила себе, что сидит за длинным столом и аккуратно, используя целую кучу приборов, ест рыбу с аристократической грациозностью и утонченностью.

Боль стала невыносимой, как и запах, щекочущий ноздри. Решившись, Крис высунула кончик языка и лизнула остро пахнущую древесину. И сразу поняла, что сделала это зря. Доски насквозь пропитала соль, словно она лизнула солонку. Во рту все моментально высохло. Вытащив язык наружу, Крис подумала, что ей станет легче, но не тут-то было. Спертый воздух окончательно высушил рот, и девочка испуганно представила, что без глотка воды умрет здесь от жажды.

На пристани стало подозрительно тихо. Смолкли крики торговки и не только. Больше не раздавались и мальчишеские голоса.

Осторожно привстав, Крис снова выглянула в окошко и застонала. Теперь ясно, почему стало так тихо. Торговка все так же стояла на пристани, не сводя подозрительных глаз с баркаса. Но, к ужасу Крис, она была не одна. За ее спиной возвышался огромный усатый гвардеец, который славился тем, что, невзирая на высокий чин подполковника королевской гвардии, начальника гарнизона по безопасности города, лично ловил беспризорников. Да так ловко,

словно кузнечиков, хватая их за голову и лишая шанса трепыхаться. В этом он превзошел суровых полицейских, исправно патрулирующих город.

«Видимо болезнь у него такая — всех детей ненавидит», — шептались на улицах. Но перечить ему никто не смел. Подполковник Лют Валькель недаром обладал говорящим именем. Лютовал как на улицах, так и во вверенном ему королевском гарнизоне, отвечающем за безопасность города.

Погрузив на телегу и связав, он увозил пойманных детей в приют — огромное серое здание, построенное на окраине столицы. О том приюте среди беспризорников ходило так много страшилок и легенд, что они всеми силами старались отсрочить путешествие «в стены, из которых выхода нет».

Почему отсрочить?

— Все мы там будем, — однажды Крис услышала, как вихрастый мальчуган в дырявых штанах, длинно сплевывая на пол, сказал эту фразу.

И действительно, через несколько дней он не пришел на пристань. Лютый Усач, как звали подполковника в народе, поймал и его.

Из приюта на пристань не возвращался никто. Когда дети достигали двенадцати лет, самых крепких забирали на службу, муштруя и воспитывая в такой строгости, что те потом превращались в подобие Люта. Тех, кто послабее, недрогнувшей рукой отправляли на каменоломни, полагаясь на жестокий естественный отбор.

Но хуже всех приходилось девочкам, рожденным в один год с умершей принцессой Вольденгории. О причинах такой немилости люди могли лишь гадать. Новый король не считал нужным что-то объяснять, а возражения тут же подавлялись

вооруженной до зубов королевской гвардией. Любого, кто пытался спрятать дочь или изменить ее возраст, тут же объявляли предателем и приговаривали к немедленной казни, которая проводилась на центральной площади в назидание остальным жителям.

Девочек увозили в королевский замок, и что с ними было дальше, никто не знал. Больше их не видели. Поэтому Крис сейчас тряслась как осиновый лист, стараясь стиснуть челюсти, чтобы зубы перестали стучать.

Мальчишки же побросали работу и попрятались кто где успел, затаившись в ожидании, когда подполковник уйдет. Моряки молча стояли, ни словом, ни жестом не выдав их. А то где им потом искать почти дармовых работников? От пьяниц, болтающихся на пристани, толку нет — они всю рыбу по дороге растеряют, держа корзину трясущимися руками, а народ попрличней нанимается на другую работу.

Дрожа от страха, Крис заметалась по трюму, но выход из него один — на пристань. В подтверждение мыслям она услышала густой бас:

— Подождем немного. Сейчас мой помощник приведет хозяина, и тот все проверит. А воришке все равно деваться некуда.

Торговка не сводила восхищенного взгляда с внушительной фигуры подполковника и усердно закивала, да так, что голова немного закружилась от уважения.

— Господин Валькель, вы такой умный! — протянула она. — Какой хитрый план придумали.

— А то! — пробасил подполковник и погладил усы, довольный неприкрытой лестью. — А вы-то какая глазастая. Этих воришек здесь как тараканов. Но ничего, мы их скоро всех вытравим.

— И не сомневаюсь! Вы настоящий полковник!

— Подполковник, — скривился тот.

Собственное звание не давало ему покоя. С тех пор как генерал королевского гарнизона вышел на пенсию, подполковник занял его место, но не должность. Король Альвисс не торопился поднимать тщеславного Усача в звании, а Хэйварду было все равно. Вот и ходил Лют Валькель в одном и том же звании уже больше десяти лет. Из-за чего лютовал еще больше.

— Ой, да ладно! — небрежно махнула рукой торговка, не подозревая, что сыплет еще больше соли на незаживающую рану. — Подполковник, полковник, генерал, какая разница?

Наконец-то заметив, что Лют изменился в лице, благоразумно поспешила переменить тему:

— А вдруг это вообще переодетая девчонка?

— Да ну, — усомнился Усач. — На *моей* территории — и девчонка? Откуда ей здесь взяться? Ну или она умалишенная, чтобы по доброй воле забрести в *мой* город.

— Но следы-то махонькие, — затаив дыхание, продолжала настаивать торговка.

— Тогда нам будет положена награда от короля, — широко оскалится Лют, позабыв о недавних муках самолюбия.

Замаячившая перспектива получить целый мешок золотых вольденов, положенный за поимку девочки запретного возраста, окрасила и без того румяные щеки торговки в ярко-красный цвет. Она сильнее вытянула шею, чтобы не пропустить момент, когда беспризорник вылезет наружу.

— Но ты губу не раскатывай! — видя алчность, загоревшуюся в глазах торговки, Усач не сдержал снисходительный смешок. — На пристани уже лет пять нет девчонок запретного возраста. Я их всех давно переловил.

Так и лучась самодовольством, Лют отставил ногу в сторону и подбоченился:

— Да и говоришь, следы мелкие. Значит, если и девчонка, то совсем мелюзга. От такой толка нет и награды ноль. Ни королю, ни на рудниках она не нужна. Корми ее потом и обувай за счет казны.

Азарт торговки заметно угас. Закусив губу, она пару раз оглянулась в надежде найти повод, чтобы сбежать от подполковника. Если Лют Валькель сказал, что девчонка неподходящая, значит, так оно и есть. Он еще ни разу не ошибался.

— Вор! — из торговых рядов плавучего рынка раздался истошный крик. — Держите вора! Быстрее!

— Кто посмел? — взревел Усач. — На *моей* земле!

Тут же забыв о бродяжке, он огромными шагами побежал к рынку, прижав к себе кобуру с револьвером.

Торговка охнула, всплеснула руками и, бросив полный сожаления взгляд на баркас, бросилась вслед за ним.

— Воры! Воры! Ловите их, — крик слышался все дальше, пока не стих совсем.

Крис осторожно открыла крышку люка.

Путь свободен.

Быстро выскочив, словно пробка из бутылки, она припустила что есть мочи прочь от пристани. И лишь отбежав к городским воротам, остановилась. Кое-как переведя дыхание, она медленно побрела к выходу. Больше в городе делать нечего.

От пережитого страха тошнило, а боль, вновь появившаяся в боку от быстрого бега, так и не хотела умолкать. Ну и голод тоже вносил лепту. Расстроенная, обозленная Крис брела на берег, с трудом переставляя ноги.

— Эй, Цыпленок! — услышала она насмешливый голос.

Повернувшись, она уже хотела налететь с кулаками на обидчика и замерла. Прямо за ее спиной стоял тот самый мальчишка, который подлым образом отобрал корзину.

— Ах ты! Ах ты! — от возмущения все слова куда-то исчезли.

— Да ладно тебе! Не кипятись, — миролюбиво сказал тот. — Между прочим, мог бы и спасибо сказать.

— Это еще за что? — тут же ощетинилась Крис.

— Ну хотя бы за то, что я увел Лютого Усача с пристани.

— Врешь!

— Зачем мне это? — оскорбился мальчишка. — Я видел, как ты влез в баркас. Ну ты и дурак! — то ли восхитился, то ли удивился он. — Кто же среди бела дня так делает? Хоть бы подождал, когда все уйдут с пристани, а потом уже воровать.

— Да не воровал я! — настала очередь Крис возмущаться. — Я хотел найти хоть какую-то еду.

При слове «еда» желудок заурчал так громко, что мальчишка насмешливо приподнял брови и криво усмехнулся, пытаясь скрыть жалость, мелькнувшую во взгляде.

— На! — И он протянул Крис кусок хлеба, густо посыпанный крупной солью.

Крис сглотнула голодную слюну, вдыхая позабытый запах ржаной корочки.

— С чего это? — настороженно спросила она. Но руки уже потянулись к вожаденной еде.

— Ну я это... виноват перед тобой... Не дал заработать. Так что бери.

— А ты? — Мысленно Крис уже вгрызлась зубами в хлеб.

— А я поел еще утром, перед работой. Да бери ты, а то передумаю, — вновь усмехнулся мальчишка.

Крис, все еще не веря своему счастью, жадно вцепилась в хлеб, не заботясь о том, что о ней подумает неожиданный попутчик.

— Я Стэйн! Стэйн Одманн.

— Крис Вермонт, — с набитым ртом пробормотала Крис.

С каждым кусочком хлеба, попадающим в ошалевший от такого счастья желудок, жизнь становилась ярче, а она — добрее.

— Где ты живешь?

— Там! — Несмотря на разлившуюся в душе сытую беспечность, она насторожилась и неопределенно махнула рукой.

— Ну а я там! — Стэйн показал в сторону кладбища кораблей, которое находилось чуть севернее от старой пристани.

Ледяное море продолжало приносить обломки и с невиданным упорством складывало на берег, словно напоминая о том, что здесь не место людям.

Крис уважительно качнула головой. Про кладбище кораблей ходило много разных слухов. И что там бродят души погибших моряков, и водятся крысы размером с собаку. Люди пытались с ним бороться, расчищая завалы, но море тут же разрушало все их жалкие попытки, вновь забрасывая освобожденный берег порцией обломков. Вскоре жители махнули рукой, отдали и эту часть земли своенравному морю. Беспризорники со временем облюбовали кладбище, устроив там тайные убежища. Обломков было так много, и море складывало их беспорядочной грудой, что черт

ногу сломит, не то что полицейский, имевший неосторожность сунуться туда в надежде выудить пару детей. Поэтому кладбище считалось относительно безопасным местом. Но не для Крис, которой было нужно полное уединение.

— Ну давай, до завтра, что ли. Приходи пораньше, я тебе помогу. — Стэйн задумчиво почесался.

— С какой радости? — насторожилась Крис.

— Твои глаза... Ты так похож... А впрочем, неважно. —

Стэйн мотнул головой и пошел к кладбищу обломков.

Крис проводила его настороженным взглядом и заторопилась к себе.

